

АЛЕКСАНДР ЖДАНОВ

Азербайджан-Россия

Поэт, прозаик, художник, историк искусства. Член ряда творческих союзов: Союза журналистов РФ, Творческого союза художников России, Калининградской региональной писательской организации Союза российских писателей.

Родился в 1956 году в Баку. По окончании средней школы работал, служил в армии. В 1982 году окончил филологический факультет МГУ. Работал преподавателем в школах – сначала в Литве, потом снова в Баку. В 1989 переехал в Калининградскую область. Публиковался в журналах «Запад России», «Балтика», «Литературный Азербайджан», в различных альманахах. Автор двух сборников стихов («Я хочу вам сказать» и «Воздушный холст»), двух книг прозы («Пятый постулат», «Алые хризантемы»).

Аромат земляничного мыла

Рассказ

Разбросанным по миру моим друзьям-бакинцам посвящаю

Разговорчивый попался таксист. Сразу назвал своё имя – Ахмед – и всю дорогу рассказывал, как изменился город за последнее время, предлагал пассажиру провезти его и показать все новые достопримечательности. А Владимир Михайлович вглядывался вдаль и по сторонам, пытаясь узнать места, в которых он не был уже тридцать лет.

– *Burada saxla*¹, – сказал он вдруг, когда они только въехали в посёлок.

От неожиданности Ахмед отпустил руль, обернулся, но затормозить успел.

– Откуда язык знаешь, э? – растерянно спросил он.

– Я вырос здесь. Давай выйду. Хочу пройтись пешком. Как в детстве. Может быть, детство встречу.

– Наверное, многое не узнаешь, – на этот раз в голосе водителя угадывалась лёгкая грусть. Потом протянул Владимиру Михайловичу визитку: – Позвони. Повожу по городу. В старый город заедем. Посидим где-нибудь. Я один хороший шашлычный знаю. Там хорошо пити готовят. Ты что любишь? Пити любишь?

– Долма люблю.

– Долма там тоже хорошо готовят. Позвони.

Визитку Владимир Михайлович взял, улыбаясь, кивнул таксисту, и они пожали друг другу руки. Подавая назад, таксист въехал в прилегающую улочку, развернулся и, протяжно, по-бакински, просигналив на прощанье, поднял пыль задними колёсами.

А Владимир Михайлович осматривался. На углу через дорогу всё то же трёхэтажное здание с универмагом на первом этаже. «Большой магАзин», – называли его в посёлке. Сейчас у него какое-то вычурное, экзотическое название. Постояв немного, Владимир Михайлович пошёл вперёд, к скверу – здесь надо повернуть направо. Всё, вроде бы, прежнее, но чего-то не хватало. «Сады», – догадался Владимир Михайлович. Небольших садов с фруктовыми деревьями уже не было. Чем ближе подходил он к дому, тем сильнее колотилось его сердце. Из-за угла дома неслась громкая музыка. Свернув за угол, он увидел, откуда она раздавалась – из шашлычной. А когда-то здесь тоже были сады, и стояли три гаража.

¹ Здесь останови (азерб.)

У дяди Шуры Наумова был «Москвич». Во дворе лишь у троих были автомобили: два «ГАЗика» и «Москвич». «ГАЗики» почему-то называли «Виллисами». Это были самые правильные машины – с брезентовым верхом, который можно было при необходимости убрать и нестись, чтобы ветер обдувал. А можно было натянуть брезентовый верх, чтобы укрыться от дождя и ветра. И тогда машина превращалась в крепость, в охотничий шалаш, в котором всё под рукой. Особенно нравились Вовке две скамеечки по бокам, которые были вовсе не скамеечками, а тайниками – для инструментов или чего ещё. Словом, самая охотничья машина. Да они и были охотниками, их владельцы, – Борис Петрович и дядя Витя Кочнов. И в этих самых машинах позволялось сидеть пацанам, потому что в их же компании были сын дяди Вити Сашка и племянник Бориса Петровича Федя. Мальчишки воображали себя водителями, нажимали на педали, вертели руль. Но к «ГАЗикам» они привыкли. Голубой же «Москвич» дяди Шуры был недосыгаем.

Вовке тоже перепадало посидеть за рулём, хотя он и считался в посёлке не совсем своим. Он родился в этом посёлке, но давно переехал с родителями в город, сюда же приезжал лишь на каникулы. И хоть в игры его принимали, был Вовка почти чужаком, и особой дружбы с дворовыми ребятами завязать не получалось. Может, сказывалось недоверие к «городскому», а может, виной всему был характер Вовки. Он с большей охотой читал в одиночестве, рисовал или склеивал модель кораблика, чем бегал, ходил с другими на гору (так громко называли небольшой холм, стеной закрывавший посёлок), или совершал со всеми набеги на сады. У Вовки был другой друг – велосипед, на котором он гонял без усталости. Словом, лето как лето – среди игр, своего велосипеда и чужих машин.

Вовку привозил в посёлок из города дед. Точнее, то было двойное путешествие. Сначала от городского дома они с матерью трамваем доезжали до остановки, где его дед и поджидал. Вовка самостоятельно, без матери, переходил через дорогу – это право он вытребовал себе не без длительного сражения – и они с дедом шли к автобусу.

Пассажиров здесь всегда хватало. Кто-то ехал на дачу, а кто и на работу – на машиностроительный и железобетонный заводы или на нефтепромысел. Но они располагались дальше, посёлок же утопал в садах. И когда Вовка шёл с дедом от автобусной остановки к дому, он с наслаждением вдыхал аромат этих садов. В этом аромате крылось многое – и вкус фруктов, которым еще предстоит созреть и которыми потом все будут объедаться, и рискованные набеги на чужие сады. За набегами Вовка, впрочем, наблюдал со стороны: бабушка с дедом категорически запретили, да и сам не любил брать чужого. Не мог себе представить, что заберётся он сегодня к тете Рае в сад, а завтра поздоровается с ней, как ни в чём не бывало, да ещё, чего доброго, примет из её рук угощение – ту же вишню или сливу. Вовке заранее становилось стыдно, и пиратскую романтику он отвергал.

Оставался футбол. Но и в футбол получалось играть не всегда. Во дворе женщины периодически сушили бельё. Для этого между двумя столбами было натянуто несколько рядов проволоки. Иногда с утра под этой проволокой оказывались длинные палки-«подстановки». Они были нужны для того, чтобы проволока под тяжестью мокрого белья сильно не провисала, и бельё не пачкалось. Но ещё они означали и то, что проволока занята, что у кого-то из хозяек начинается грандиозная стирка, и что здесь скоро повиснут простыни, пододеяльники, подштанники. То есть никакого футбола не будет. Потому что футбол – это поднятая пыль, которая летит на свежестиранное бельё, это мяч, который, как бы ни старались мальчишки, непременно отпечатывался на чьей-нибудь чистой простыне.

И тогда приходилось играть с девчонками в семь палочек. Те же самые прятки, но без глупого отворачивания к стене с закрытыми глазами «Три, четыре, пять – я иду искать!». Мальчишки игру усовершенствовали. На кирпич, как качели, клалась длинная дощечка так, чтобы один её конец лежал на земле. На этом конце складывали семь коротеньких палочек. Кто-то из играющих, пробегая, резко наступал на другой конец – доска подбрасывала палочки, и те разлетались. Тот, кому в обычных прятках предстояло жмуриться, должен был все палочки собирать. За это время остальные разбежались и прятались. Опасность крылась в том, что в любую минуту кто-то мог пробежать мимо и снова разбросать палочки, и тогда всё начиналось сначала. Игра, таким образом, усложнялась, в неё можно было играть дольше. А перед тем, как разбросать палочки, все вместе скандировали считалку. Странная это была считалка. Не считалка даже, а, скорее, «разгонялка»:

*Чижик-пыжик,
Дунька, скалка,
Трёхлинейная гадалка –
На-к-кули-и-и!*

Однажды это услышал дед Вовки, бывший офицер.

– Что это вы там говорите? – спросил он. – Какая такая гадалка? Что такое трёхлинейная винтовка, я знаю, а вот гадалка... Не понимаю.

Вовка объяснить не мог. Да и не хотел. Важнее было, что в эту игру Вовку охотно принимали: играл он хорошо. А сегодня у Вовки получалось особенно здорово! Он несколько раз рассыпал палочки, а теперь бежал в круг, чтобы, добежав раньше водящего, «застучать» и спасти всех найденных. До заветного круга оставалось несколько шагов, он обгонял девчонку, которая водила уже почти час. Ещё два шага – и ей снова придётся водить. Но Вовка вдруг остановился, как вкопанный. Вовка увидел её, девочку, которую прежде во дворе не встречал. Он не заметил, как водящая девчонка вбежала в круг и «застучала» уже его, Вовку, он не слышал возмущенных криков товарищей. Он покорно принял то, что теперь водить придётся ему.

Как же все отыгрались на нём! Он водил до самого вечера, собирал рассыпаемые другими палочки, искал спрятавшихся товарищей, а сам то и дело поглядывал в сторону гаража дяди Шуры, где новая девочка играла в мяч.

А она орудовала мячом ловко! Мяч, отлетев от стены, ударялся о землю, а отскочив от земли, подлетал к девочке – она посылала его обратно. Потом она подошла поближе и стала отбивать мяч прямо от стены, а затем и вовсе почти вплотную приблизилась к стене – и мяч, отлетая, выстукивал дробь. Потом стала подбрасывать мяч вверх. Подбросит, успеет обернуться вокруг себя и поймает мяч. На девочке было нежно-голубое коротенькое платьице и ярко красные банты в двух косичках. И сама она раскраснелась и весело глядела на онемевшего Вовку.

Но вот играть одной девочке надоело. Она стояла в отдалении и смотрела на играющих ребят, а Вовка украдкой поглядывал на нее. Потом девочка отвернулась и побежала домой, на второй этаж. Вовка проследил – она, пробежав по веранде, подошла к квартире дяди Шуры. Значит, это его родственница. А сам Вовка все оставшееся время играл без воодушевления. Ему стало скучно. Он хотел быстрее оказаться дома. Там его ожидали новый альбом для рисования и краски.

Если бы вы знали, какие это были краски! Дорогушие-е-е. В деревянной коробочке, которая открывалась как пенал. Красок в коробочке было много – 24 цвета, и каждая в отдельной металлической ванночке! Краски были разложены в строгом порядке, о чем говорил вложенный в коробочку листик с названиями красок. Вовка читал эти названия вслух – и они завораживали, звучали, как заклинание: ультрамарин, кобальт синий, английская красная. Особенно нравилось ему название «кад-

мый желтый средний», сама краска тоже нравилась. Как Вовка берег эти краски, как аккуратно работал ими! И сейчас, после того, как он увидел эту девочку, Вовке почему-то очень захотелось рисовать. Но уйти от ребят сразу было нельзя. Они наверняка заметили причину его внезапной рассеянности и, чего доброго, подшучивать бы стали. А этого Вовка не хотел. Он чувствовал, что не сумеет противостоять шуткам и насмешкам, станет отнекиваться, а еще вдруг придется что-то придумывать и врать, чтобы они не заподозрили ничего. И от этого на душе становилось гадко. И он покорно продолжал бегать, собирать разбросанные палочки, искать спрятавшихся ребят, а сам не мог дожидаться, когда бабушка позовет его ужинать.

2

Весь вечер Вовка рисовал. На этот раз на рисунке был не военный корабль, не любимый его пейзаж с уходящей к горизонту голубой змейкой реки. Правильно рисовать реку и дорогу Вовка научился совсем недавно. Сосед в городском доме, художник дядя Саша, объяснил Вовке, как правильно рисовать и реку, и дорогу, и тропинки, чтобы они не казались полосками, лежащими на боку, а были именно рекой и дорогой. И Вовка часто рисовал такие пейзажи. Его хвалили в школе. А уж как он рисовал военные корабли! Одна работа даже победила на городском конкурсе. Но сейчас Вовка нарисовал совсем другое. Девчонский, в сущности, рисунок – девочку с мячом. Главным, правда, был мяч. Большой, красно-синий мяч завис в воздухе над цветами, а вдалеке, подняв руки, подпрыгнула маленькая фигурка девочки с красными бантами в голубом платье. Нарисовал, взглянул в последний раз – и (удивительное дело!) ему вовсе не захотелось показывать рисунок никому. Рисунок говорил больше, чем Вовка хотел бы рассказать. И потому, когда он услышал приближавшиеся шаги бабушки, он быстро спрятал рисунок в папку – вниз, под все остальные рисунки, а папку убрал в стол. А бабушка, войдя, сразу задала вопрос, от которого Вовка растерялся и смутился:

– Ну, ты уже познакомился с племянницей тети Маруси? Ее, кажется, Ирой зовут. Хорошая девочка.

Вовка что-то промямлил в ответ, вроде «вот еще, очень надо», и стал убирать со стола кисти и краски.

А на следующий день Ира сама позвала его в машину. Только его. Он собирался играть с мальчишками в сбивалку. На перила стоявшей во дворе беседки ставилась старая консервная банка, а лучше несколько. И по ним мальчишки открывали огонь. Стреляли когда из рогаток, а когда из луков. Сейчас у всех были самострелы. Вовка мог бы гордиться – это он привез в поселок из города новинку. Самострел сделали вместе с отцом. К вырезанному из дерева прикладу приделывались резинка и обычная деревянная бельевая прищепка. В резинку закладывалась горошина или маленькая галька, резинка натягивалась, пулька зажималась прищепкой. Теперь оставалось только прицелиться и нажать на прищепку большим пальцем – горошина или камешек летели в цель. В первый день мальчишки только и рассматривали диковинное оружие, а через два дня уже все были вооружены. И сейчас, стоя в ожидании выстрела, каждый держал в руке свой неповторимый самострел.

Стреляли мальчишки по очереди. Вовке выпало палить последним. А первым был лучший стрелок Юрка Харитонов. Он сбивал одну банку за другой. А значит, оставался единственным стрелком, так как уступить место кому-нибудь другому можно было, лишь промахнувшись. Другие мальчишки уже заскучали, стали ворчать, а Вовка вдруг обернулся и увидел ее. Ирка сидела в дядином «Москвиче» и вертела руль, но потом, увидев Вовку, открыла дверцу, высунулась, поманила его и крикнула: – Хочешь порулить? Давай сюда!

Как же колотилось его сердце, пока он шёл к машине, пока садился в нее.

Самострел он аккуратно положил на приборную панель, деловито взялся руками за руль. А Ира на правах хозяйки стала объяснять: одна педаль – тормоз, другая – газ, третья – сцепление.

– Правда, где какая, я еще не запомнила, – смущенно сказала она. И хоть Вовка прекрасно знал все это, потому что мальчишки давно объяснили, и даже умел переключать скорости, он не выдавал себя. Объясняя все это, Ира пододвигалась ближе, и тогда Вовка чувствовал ее тепло и слабый запах земляничного мыла, а красные банты девочки то и дело щекотали его щеку. Дома у Вовки земляничного мыла не было. Бабушке не нравился его запах, и она, не церемонясь в оценке, утверждала, что пахнет это мыло ...Нет, лучше не передавать слов бабушки. Вовка не то, чтобы соглашался – принимал утверждение как данность. И вообще, во всём, что касалось быта, с бабушкой лучше было не спорить. В этих вопросах у неё всегда на всё были ответы. «Наша бабушка – генерал, – то ли в шутку, то ли всерьёз говорил дедушка. – Я вот майор, а она генерал». Так что, можно сказать, аромат земляничного мыла Вовка ощутил впервые. И тот мальчику понравился.

– Ну, ты идешь или нет?! – позвали Вовку мальчишки. – Твоя очередь. Иди! Или пропускаешь выстрел.

Вовка замялся. Сидеть в машине с девочкой было приятно, но еще раз испытать в действии свой знаменитый самострел – от этого он тоже не хотел отказываться. А Ира вдруг заинтересовалась самострелом. Вертела в руках, пробовала нажать на прищепку.

– Идешь или нет? – не отставали товарищи. И тут Ира попросила:

– Ой, а можно я тоже выстрелю?

– Можно, – уверенно сказал Вовка, выбираясь из машины.

Но когда они подошли к линии огня, товарищи запротестовали:

– Э, так не пойдет! Она не каналась! Если так хочешь, пусть стреляет вместо тебя! Отдавай свой выстрел!

И Вовка выстрел уступил. Он сам зарядил самострел, показал еще раз, как надо прицеливаться. Ира прицелилась. Большой палец лежал на прищепке, оставалось нажать. Было видно, что девочке трудно это делать, палец побелел. Мальчишки замерли в ожидании, что сейчас девчонка промахнется, и тогда они вдоволь посмеются и над ней, и над ее кавалером. Из последних сил Ира нажала на прищепку, самострел слегка задрался, но вылетевшая горошина все же зацепила банку – за самый краешек, за ободок. Мальчишки молча переваривали случившееся, а Юра Харитонов хмыкнул и досадливо сплюнул сквозь зубы – он единственный умел так плевать, и этот плевок означал высшую степень презрения к случайно попавшей в цель девочке. Но Ира попала, а значит, следующий выстрел тоже был ее. Теперь девочка держала оружие увереннее, целилась спокойнее и нажимала, казалось, без прежних усилий. Но горошина пролетела мимо – гораздо выше банки.

– Что и требовалось доказать, – изрек начавший уже изучать в школе геометрию Самир.

Ира протянула самострел Вовке и хмыкнула:

– Ну и ладно. Подумаешь! Не очень-то и хотелось.

И убежала, а Вовке снова захотелось домой. Интересный это был дом: двери квартир на обоих этажах выходили на веранду. Так что при желании каждый из соседей мог знать, кто к кому пришёл, и кто от кого вышел.

3

Неожиданно и против своей воли был Вовка втянут в девчачью игру. Девочки одевали кукол. Куклы были картонные, платья – бумажные. И кукол, и платья девочки вырезали сами. У каждой было по одной кукле, но к ней надо было придумать,

нарисовать и вырезать как можно больше платьев – разного фасона и расцветки. У каждой девочки были цветные карандаши. Самая аккуратная из них, Надя, держала карандаши в фабричной картонной коробке. Коробка была большая, с фотографией памятника Юрию Долгорукому в Москве (так объяснила Надина мама, тётя Нина, учительница), вмещалось в нее очень много карандашей – самых разных. И то сказать: замечательные были карандаши – самых разных цветов и оттенков. Коробку можно было ставить вертикально, карандаши в ней располагались уступами, и было видно все цвета сразу. Надя работала аккуратно и основательно. Никогда карандаши не валялись у нее разбросанными на столе. Она работала каким-нибудь одним, держа в левой руке другой карандаш, который мог бы понадобиться следующим. Когда карандаш оказывался уже ненужным, Надя аккуратно вставляла его в свободное место в коробке, вынимала другой, перекладывала его в левую руку, а тем, что, дожидаясь своей очереди, находился в левой руке, начинала работать. И так без конца.

Хоть и были сёстрами Таня и Рита, карандаши каждая имела свои. У обеих коробочки давно развалились и были выброшены. Но Таня держала свои карандаши в круглой узкой деревянной вазочке («Так художники держат кисти», – объясняла она). У самой маленькой и не очень аккуратной Риты все карандаши были лишь перехвачены чёрной аптечной резинкой. У Иры своих карандашей не было, и ей приходилось просить их у девочек. А работали девочки за одним столом, который выносил во двор папа Тани и Риты. В первый день девочки карандашами делились охотно. Во второй демонстративно цокали языком, когда Ира, смущаясь, брала у них карандаши. На третий день Таня, не поднимая головы от своей работы, буркнула: «Свои иметь надо». Ира на мгновение застыла и положила карандаш назад.

Вовка всё видел и слышал.

– Подожди, я сейчас, – сказал он решившей уйти и уже поднимавшейся из-за стола Ире, и вскоре вынес свои краски – те самые, которыми очень дорожил. Он искренне хотел помочь девочке, но краски, его любимые краски! Так не хотелось оставлять их без присмотра! Не верил он девчонкам – убеждён был, что напортят что-нибудь! И поэтому он сначала примостился рядом, даже помог Ире раскрасить красивым желтым цветом («Кадмий жёлтый средний», – уточнил Вовка) очередное платье. Но вскоре, убедившись, что у Иры всё получается неплохо, оставил ей краски и побежал к мальчишкам. Сейчас их одолевали новые заботы – все клеили и запускали воздушных змеев. На этот раз делали большого общего змея. Вовка подросел как раз к моменту, когда к нему прилаживали хвост.

Всё было готово – и ребята приступили к испытаниям. Самый высокий из них, Юра Харитонов, поднял змея над головой и держал так на вытянутых вверх руках. Лучше других бегавший Петька взял в руку конец длинной нитки и побежал. Юра, всё так же держа змея над головой, тронулся следом. Петька побежал быстрее, нитка натянулась.

– Отпускай! – крикнул он Юре.

Юра разжал руки – и змей взмыл было вверх. Но, сделав несколько как бы копающих воздух движений, змей шлепнулся плашмя на землю. Ребята подбежали, сгрудились вокруг. Беглый осмотр показал, что бумага не порвалась, рейки тоже целы. Значит, можно было повторить испытание. Но взлетит ли?

– Это кабрирование, – многозначительно сказал Джейхун, склеивший и испытывавший к этому времени две авиамодели.

– Кабрирование, – передразнил Юра. – Что делать будем? А если опять упадёт?!

И тогда Вовка предложил:

– Нужно стянуть вот здесь ниткой, – указал он на верхнюю рейку змея. – Слегка изогнуть, как лук, и стянуть.

Ребята с недоверием смотрели на него.

– Не поможет, – пробурчал Джейхун. – Слишком тяжёлый получился.

– Надо попробовать, – настаивал Вовка.

Мальчишки ещё потоптались, но решили всё же попытаться. Исполнение поручили самому рационализатору. Вовка тщательно привязал к одному концу верхней рейки прочную суровую нитку, очень осторожно, чтобы не переломить рейку, слегка согнул её («Здесь надо знать, насколько сгибать», – успел он проговорить, придавая важности всему действию) и быстро примотал натянутую нитку к другому концу.

– Ну, давай, изобретатель, сам и испытывай, – предложил Джейхун.

Предложение было хоть и справедливым, но таило в себе подвох: в случае провала испытаний насмешки достались бы одному виновному – городскому задаваке. В случае же удачи – ну что ж, заслужил уважение, значит, заслужил...

Вовка взялся за конец нити. Отошел на небольшое расстояние, оглянулся, посмотрел на Юру. Тот поднял змея над головой и кивнул Вовке. И Вовка побежал. Он чувствовал, как натягивается нить, как она дёрнулась, натянулась и затрепетала. Значит, змей взлетел! Но останавливаться было рано! И Вовка бежал и стравливал понемногу нить. Он чувствовал её напряжение. Нить слегка ходила из стороны в сторону, но это означало лишь то, что змей набирает высоту и ловит воздушные потоки. Наконец Вовка остановился. Ребята подбежали, все смотрели в небо. Там высоко парил светлый прямоугольник – их змей, а в воздушных потоках изгибался его хвост! Вовка еще отпустил немного нить – змей поднялся еще выше. Передавая катушку из рук в руки, мальчишки всё выше и выше отпускали своего змея, пока он не стал белым прямоугольником – очень маленьким, с календарный листок.

Домой Вовка шёл усталый и довольный. Он на время забыл и об Ире, и о красках. Ира сама его окликнула, когда он подходил к дверям своей квартиры.

– Вот. Возьми, – сказала она, протягивая ему коробку с красками.

У Вовки ёкнуло сердце. Жёлтая, всегда чистая деревянная крышка была в кляксах и пятнах. Вовка заподозрил неладное, но при Ире не стал осматривать коробку изнутри. Открыл дома – и охнул: не оставалось ни одной ванночки, в которой краска не была бы испачкана какой-нибудь другой. Девочки – а Ира очень скоро и щедро поделилась с ними чужими красками – не утруждали себя тем, чтобы промывать кисточку, а небрежно лезли одним цветом в другой. Особенно досталось любимому Вовкиному кадмию жёлтому, в нём были зеленые, черные и даже коричневые пятна. Из-за красок Вовка расстроился, но на Иру почему-то не рассердился и готов был забыть случившееся. Он осторожно вынул из деревянной коробки все ванночки с красками и под тонкой струёй воды стал смывать чуждые наслоения, раскладывая вымытые ванночки на газете. Затем принялся за самую деревянную коробку. Но тут дело обстояло хуже – краски уже успели впитаться в древесину, и отмыть коробку до конца не удалось.

4

Уже три дня Ира не показывалась во дворе. Точнее, во двор она спускалась, но не играла ни с кем из детей. Она появлялась вместе с мамой и лишь для того, чтобы пройти вместе по своим делам. А дел, по всей видимости, у них прибавилось, потому что приехал к дяде Шуре еще один гость. Это был другой его племянник Валера. Впрочем, по имени его ребята не называли. Для них он остался Москвичом. Он был немного старше остальных ребят и поначалу вызывал интерес тем, что и впрямь один приехал из Москвы. Точнее, прилетел. В Москве родители посадили его в самолет, поручив стюардессе, а здесь встретили дядя Шура с тетей Марусей. Может быть, и приняли бы его ребята в свою команду, как приняли Вовку, и не потерял бы Валерка своего имени, но Москвич сам не спешил спуститься во двор и сойтись с ребятами. Не потому, наверное, что слишком важничал Валерка, – просто появилась у север-

ного гостя возможность плескаться в тёплом южном море. И почти каждый день они ездили на пляж – дядя Шура, Ира со своей мамой, а теперь и Валерка. Тётя Маруся оставалась дома – прибраться, приготовить ужин к приезду пляжников.

Ехать надо было далеко. Утром они гурьбой выходили из дому с корзинами и сумками, в которых лежали варёные яйца, жареная курица, отварная картошка, фрукты, бутылки с минералкой и остуженным чаем, и шли к мосту. Там поднимались по узкой металлической лесенке и поджидали электричку. Возвращались вечером, уставшие, часто обгоревшие – не до игр с ребятами.

Наверное, они и сегодня поехали бы на пляж, но с утра хлынул дождь. Редкий в этих краях летний дождь – быстрый, бурный и короткий. Дождь падал с неба крупными каплями, круто пузырился в лужах, шумел. И прекратился так же внезапно, как и начался. Тучи вмиг рассеялись – и стало видно, как солнце сушит землю.

И вот тогда Вовка вывел свой самокат.

Неужели вы никогда не катались на самокате после дождя?! Когда под жарким южным солнцем асфальт высыхает почти мгновенно, но остаются еще большие лужи, что может быть лучше, чем разогнаться изо всех сил по сухому уже асфальту и въехать в лужу?! А потом нестись вперед по инерции, сохраняя равновесие и следя за тем, чтобы, выехав из лужи, самокат оставил длинный и непременно ровный след! Безо всяких зигзагов и вихляний. Вовка был мастер таких пролетов. Да и то сказать: самокат у него был всем на зависть. У всех мальчишек были самодельные деревянные самокаты на подшипниках вместо колес. У Вовки тоже был деревянный и самодельный. Но колеса... Вместо шумящих и жестко едущих подшипников они с отцом приспособили колеса от старой детской коляски. Колеса были большого диаметра, с резиновым ободом и дольше подшипников вращались. На своем самокате Вовка обгонял всех. И вот сейчас на нем Вовка в который уже раз рассекал гладь лужи.

Краем глаза он заметил спускавшуюся по лестнице Иру и решил затормозить эффектно, с разворотом. Разворот получился, а равновесие удержать удалось не до конца, и Вовка чуть было не упал, но успел соскочить и засеменил рядом. Девочка заметила прокол и усмехнулась:

– Не получается? А покататься дашь?

– Конечно, дам. А ты разве умеешь?

– А что тут уметь? У меня дома и не такой есть – магазинный.

– На, попробуй.

Ира вцепилась в руль, поставила правую ногу на самокат, решив оттолкнуться левой. Но толчки получались слабыми. Девочка не могла проехать и метра, отталкиваясь приходилось часто, самокат двигался короткими рывками. Тогда Ира поменяла ногу, но и это не помогло, она сильно наклоняла самокат вбок – было ясно, что ездить девочка не умеет. Вовка пришел на помощь.

– Давай помогу, – предложил он. – Становись двумя ногами.

Ира встала обеими ногами, крепко ухватилась за руль, а Вовка осторожно повел свою машину. Чтобы удобнее взяться за руль, Вовке пришлось обхватить Иру, и она снова была очень близко к нему. И снова он почувствовал ее тепло и легкий запах земляничного мыла, и красные банты девочки снова щекотали его лицо. И снова у Вовки непонятно с чего заколотилось сердце.

Он повел самокат – сначала медленно, а потом все убыстряя. И тут Вовка понял, что поторопился с предложением прокатить Иру. Везти на двух маленьких колесах плохо сохранявшую равновесие девочку было нелегко. Вовка крепче сжал руль, напряг мышцы, на лбу у него выступила испарина. Он отвечал Ире односложно, чтобы не заметила она, что он стал задыхаться. Но все было замечательно. Девочка смеялась, Вовка, довольный, раскраснелся. Он вел самокат все быстрее и быстрее, уже почти бежал рядом, а Ира смеялась и просила:

– Еще! Быстрее!

И Вовка побежал.

– Отпускай, я сама! – крикнула Ира.

Вовка отпустил, и она поехала. Ира ехала прямо, не сворачивая, боясь сделать лишнее неосторожное движение рулем. И вдруг увидела перед собой лужу. Наверное, ей очень не хотелось ехать по воде, наверное, она боялась запачкать свои белые сандалии. Она резко дернула руль вправо, надеясь объехать эту противную лужу, но колесо уже въехало в воду, самокат занесло, и Ира со всего маху упала. Белые сандалии стали темными, а по светло-голубому платью растеклось мокрое грязное пятно. Ира стояла посреди лужи, почему-то не выходя из нее, – колено украшала кровавая ссадина. Девочка плакала. Вовка попытался успокоить ее, вывести, наконец, из лужи на сухой асфальт, но Ира отталкивала его руку и, размазывая по лицу слезы, ревела:

– Отстань! Это все твой дурацкий самокат! Деревяшка!

Вовка опешил:

– Ты же сама просила отпустить тебя...

– Что просила? И ничего не просила! Ты толкнул свой противный самокат. Противный! И сам ты противный! Не ходи больше за мной!

Вовка стоял, растеряно моргая. И вдруг почувствовал на плече чью-то руку. Он обернулся – за ним стоял Москвич.

– Ну что? Допрыгался, шкет? За платье дедушке твоему платить придется. И с ногой еще неясно, может, заражение будет. Лечить долго придется, – Москвич говорил тихо, размеренно, вбивая каждую фразу в Вовкину голову. Вовка сбросил с плеча его руку. Москвич был выше на полголовы, и Вовке приходилось смотреть на него немного вверх, но он не отступил, стоял напротив внезапного заступника и упрямо шумно дышал.

И тогда Москвич, чувствуя свое превосходство, снисходительно щелкнул Вовку в лоб. Вовка не стерпел обиду и схватил Москвича за воротник. Мальчики сцепились. Москвич наседали, Вовка сопротивлялся. Назревала драка. У Вовки под глазом уже розовела полоса, он в последний раз дернул Москвича за рубашку – и надорвал ему воротник.

– Ах ты, малявка! Ты еще рубашки рвать будешь?! – Москвич отступил на шаг, огляделся и увидел все еще лежащий на асфальте самокат.

– Вот тебе! – он с силой наступил на самокат – и деревянная рулевая переключалась с треском отлетела. У Вовки потемнело в глазах. Царапина под глазом – это ладно, но самокат... Вовка разбежался и, наклонив голову, боднул Москвича в солнечное сплетение. Тот охнул, согнулся пополам, присел и завыл. Потом с плачем, все еще согнутым поплелся домой.

Вовка поднял самокат. Подобрал отлетевший руль, попытался приставить его на старое место, словно этим можно было спасти дело. Его любимый самокат, его гордость! Еще немного – и слезы хлынули бы из глаз. Но Вовка сдержался и молча, не глядя на Иру, тоже пошел домой. А Ира, опомнившись, быстро пошла за Москвичом.

5

Весь оставшийся день Вовка напряжённо ждал, что тетя Маруся или мама Иры придут выяснять отношения, мол, побил Вовка гостя. Но не пришли. А ближе к вечеру на веранде перед дверью своей квартиры они с дедом ремонтировали самокат. Сломанный руль пришлось менять полностью, и на это ушло много времени. Вовка с дедом вкручивали последний шуруп, когда услышали голоса – со второго этажа спустились соседи. И был среди этих голосов один, который Вовка узнал бы теперь из тысячи. Ира говорила громко, пожалуй, даже слишком громко. Говорила она о том, какой интересный фильм они идут смотреть, и что это гораздо интереснее, чем ез-

дить на самодельном самокате. Валерка шёл следом и поддакивал. Вовка вспыхнул. Продолжая вкручивать шуруп, дед спокойно сказал:

– Сегодня ты совершил мужской поступок, отстояв свое достоинство и не показав своей боли. Сейчас ты снова не показываешь своей боли – и это тоже по-мужски. Но завтра тебе предстоит еще более сложное мужское поведение – не демонстрировать обиду. Не демонстрировать, но и не забывать. А теперь – шуруй, погоняй.

– Да не хочется как-то, – вяло возразил Вовка.

– Покатайся, покатайся – поможет, – дед говорил тихо и убедительно.

Вовка гонял весь вечер, пока не стало темнеть.

А назавтра все гости Наумовых уезжали. Ближе к полудню дядя Шура вывел свой «Москвич» из гаража и подогнал поближе к дому. Сначала взрослые сносили чемоданы и сумки и укладывали их в багажник. Валера тоже изредка подносил вещи, а Ира не показывалась. Наконец появилась и она. Девочка спускалась по лестнице, и в руках у неё был зелёный портфельчик. Стали усаживаться в машину. Тётя Маруся расцеловала бывших гостей, вытерла краем передника слёзы. Правда, Вовке показалось, что слёз никаких не было. «И зачем взрослому человеку притворяться», – подумал он. Москвич сел на переднее сиденье рядом с водителем. Деловито pokrutil ручку и опустил стекло. Потом откинулся на спинку сиденья и по-взрослому высунил локоть из окна. Ира с мамой сели сзади. Мотор заворчал, и автомобиль тронулся. Все ребята, наблюдавшие эту сцену расставания, побежали за машиной. Побежал и Вовка. Но вдруг он заметил, что бежит уже впереди всех. Мальчик резко остановился и смотрел вслед отдалявшемуся «Москвичу». Последнее, что он увидел, пока автомобиль не свернул за угол, – Ира развернулась, встала на сиденье коленками и показала в заднее окно рисунок, который подарил ей когда-то Вовка. На рисунке взлетал над землей большой красно-синий мяч, а вдалеке виднелась фигурка девочки в светло-голубом платье.

Владимир Михайлович постоял немного перед короткой, в пять ступенек, лестницей, ведущей на веранду, где была та самая квартира №9, в которой проводил Вовка каникулы. Ветер в этом месте, как и пятьдесят лет назад, крутил и сейчас, ероша седые волосы Владимира Михайловича.

– *Kimi isə axtarirsiniz, baba¹?* – тронула его за рукав девочка в голубом платье. В руках у девочки был большой мяч.

– *Xeyir, qizim. Tapdim. Qac oyna²,* – ответил Владимир Михайлович, улыбаясь, и нежно погладил девочку по голове.

Девочка побежала мимо шашлычной и остановилась у каменной стены – всего, что осталось от гаражей. Она бросала мяч о стену, и тот легко отскакивал...

На следующий день Владимир Михайлович улетел. Ахмеду он позвонил перед самым выездом из гостиницы, чтобы тот отвёз его в аэропорт. Ахмед очень расстроился:

– *Зачем не позвонил, э? Зачем так быстро уезжаешь? Совсем не посидели.*

Чтобы не расстраивать нового приятеля, Владимир Михайлович сказал, что срочно вызвали его по работе. У аэропорта они расстались, как давние друзья.

...Самолёт набирал высоту. Владимир Михайлович смотрел в иллюминатор, он видел, как город, подковой лежащий у моря, всё больше становится похожим на карту, видел знаменитую бухту. Он видел лица старых друзей – Самира, Петьки, Джейхуна, Юры, с которыми так и не встретился (да и встретился бы?). И вдруг тонко, отдалённо почувствовал забытый давно аромат земляничного мыла.

¹ Вы кого-то ищете, дедушка? (азерб.)

² Нет, детка. Уже нашел. Беги, поиграй. (азерб.)